

"Большое волшебство"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Элизабет Гилберт

Большое волшебство

© 2016, Elizabeth Gilbert All rights reserved. Based on original cover design by Helen Yentus Cover photograph by Henry Hargreaves

© Мигунова Е.Я., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Храбрость

Потаенное сокровище

Жил когда-то человек по имени Джек Гилберт, он не имел ко мне никакого отношения, к большому моему сожалению.

Джек Гилберт был великим поэтом, но, если вы никогда о нем не слыхали, не смущайтесь. Это не ваша вина. Его никогда не заботила известность. Но мне он был известен, я нежно любила его – с почтительного расстояния, – так что, позвольте, я вам о нем расскажу.

Джек Гилберт родился в Питсбурге в 1925 году, там и вырос, в дымном и шумном промышленном городе. В юности он работал на сталелитейном производстве, но с ранних лет почувствовал призвание писать стихи. Он ответил на этот призыв без колебаний. Он стал поэтом так, как иные люди становятся монахами: относился к поэзии как к религии, как к акту любви, как к делу всей жизни, посвященной поиску благодати и высшей милости. Мне кажется, что это очень правильный способ становиться поэтом. Или еще кем-то, в зависимости от того, на что откликается ваше сердце и что пробуждает вас к жизни.

Джек мог бы стать знаменитым, но он за этим не гнался. У него были талант и харизма, но слава его просто не интересовала. Первый же его сборник, опубликованный в 1962 году, получил престижную награду Йельского университета для молодых поэтов и был номинирован на Пулицеровскую премию. Более того, он завоевал признание читателей и критиков, а ведь это не так уж просто для поэта в современном мире. Было в нем что-то такое, что притягивало людей и не отпускало.

Красивый, увлеченный и пылкий, Гилберт прекрасно смотрелся на сцене. Женщин тянуло к нему как магнитом, для мужчин он становился идиолом. Его фотографировали для журнала «Вог», на снимках он был великолепен и романтичен. Люди буквально сходили по нему с ума. Этот человек мог бы стать рок-звездой.

Вместо этого он исчез. Не хотел отвлекаться на всю эту шумиху. Со временем он признался, что слава была для него скучна – не то чтобы он находил ее аморальной или развращающей, а просто каждый день все было одно и то же, одно и то же. А ему хотелось чего-то другого, богаче, ярче, разнообразнее. Вот и бросил все это. Гилберт уехал в Европу и поселился там на двадцать лет. Сначала он пожил в Италии, потом в Дании, но больше всего времени провел в пастушьей хижине на вершине холма в Греции. Там он постигал и осмысливал тайны вечности, наблюдал, как меняется свет, и в тиши писал свои стихи. Были у него свои истории любви, свои трудности, свои победы. Он был счастлив. Как-то сводил концы с концами, чем-то зарабатывал

себе на жизнь. Он довольствовался малым. Допустил, что его имя почти забыли.

Через двадцать лет Джек Гилберт снова возвратился после долгого забвения и опубликовал новый сборник стихотворений. И снова литературный мир влюбился в него. Он снова стал знаменитым. И снова скрылся – теперь на десять лет. Такой у него был стиль: уединение, затем публикация чего-то невероятно мощного и снова уединение. Гилберт напоминал редкую орхидею, у которой от цветения до цветения проходит много лет. И никогда ни в малейшей степени он не рекламировал себя. (В одном из тех немногих интервью, которые Гилберт дал в своей жизни, его спросили, как, по его мнению, такой уединенный образ жизни повлиял на его карьеру. Он рассмеялся и ответил: «Похоже, это ее сгубило».)

Я узнала о Гилберте исключительно по той причине, что уже на склоне лет он вернулся в Америку и – по соображениям, которых мне никогда не узнать, – устроился временным преподавателем писательского мастерства в университете Теннесси в Ноксвилле. Так совпало, что через год, в 2005-м, я получила ту же должность. (В университете даже начали посмеиваться, называя нашу кафедру «кафедрой Гилбертов».) Я обнаружила книги Джека Гилберта у себя в кабинете, который заняла после него. Казалось, комната будто еще хранила тепло его присутствия. Я читала его стихи, и они поразили меня масштабностью, они неожиданно напомнили мне Уитмена. («Мы должны отважиться на восторг, – писал он. – Мы должны набраться упрямоты, чтобы быть счастливыми в беспощадном горниле мира сего».)

Мы с ним однофамильцы, занимали одну должность, даже один кабинет, мы учили одних и тех же студентов, а теперь я еще и влюбилась в его слова – неудивительно, что в итоге этот человек меня очень заинтриговал. Я всех расспрашивала: кто он такой, Джек Гилберт?

Студенты отвечали, что это самый выдающийся человек из всех, кого им доводилось встречать. Казалось, будто он немного не от мира сего, сказали они. Он словно постоянно пребывал в состоянии восхищения, восторгался и их призывал к тому же. Он в основном учил их не тому, как писать стихи, сказали они, а тому, зачем: от восторга. Из-за своего упрямого счастья. Он говорил им, что они должны прожить жизнь как можно более творчески, потому что это поможет им противостоять беспощадному горнилу нашего мира.

Особенно часто, однако, он призывал своих учеников быть смелыми. Без смелости, объяснял он, им ни за что не удастся осознать, как расширяются границы их собственных возможностей. Без смелости им не познать мир в его полноте настолько, насколько он жаждет быть познанным. Без смелости жизнь каждого из них будет незначительной и мелкой – куда более мелкой, чем им, вероятно, хотелось бы.

Я так и не встретилась с Джеком Гилбертом лично, а теперь его уже нет – он скончался в 2012 году. Наверное, можно было поставить себе такую задачу – разыскать его и познакомиться, пока он еще был жив, но я, признаюсь, не стремилась к этому. (Опыт научил меня быть осторожнее с личными встречами – они подчас несут страшное разочарование.) Так или иначе, мне нравилось место, которое Джек Гилберт занял в моем воображении, каким он рисуется мне благодаря своим стихам и всему, что я о нем слышала. Вот я и решила, что ограничусь таким знакомством – в воображении.

Но я никогда не забуду слов, которые сказал однажды реальный Джек Гилберт, и сказал он их реальному человеку из плоти и крови, застенчивой студентке университета Теннесси. Эта девушка рассказала мне, как однажды после семинара Джек отвел ее в сторонку. Он похвалил ее работу, а потом спросил, чего она хочет в жизни. Девушка засмушалась, но все же призналась, что хочет стать писателем.

С бесконечно сочувственной улыбкой Гилберт спросил: «А смелости у вас хватит? Смелости на то, чтобы дать этому выплеснуться? Сокровища, которые таятся у вас внутри, надеются, что вы ответите *да*».

Творческая жизнь, определение

Это, я считаю, центральный вопрос, ответить на который пытаются все живые создания: *хватит ли тебе смелости вытащить на белый свет все сокровища, спрятанные у тебя внутри?*

Видите ли, я представления не имею, что там скрыто внутри вас. Откуда бы мне это узнать. Возможно, вы и сами не очень-то в курсе, хотя, подозреваю, какие-то намеки замечали. Мне неизвестны ваши способности, я знать не знаю, что вас вдохновляет, каковы ваши желания и скрытые таланты. Но наверняка там, у вас внутри, таится что-то потрясающее. Заявляю это с полной уверенностью, потому что (так уж я устроена) верю, что все мы – ходячие хранилища потаенных сокровищ. Я верю, что это очень древняя и очень щедрая проделка, игра, в которую природа играет с людьми, к своему и нашему удовольствию: природа прячет в каждом из нас необычные драгоценности, а потом отходит в сторонку и смотрит, сумеем ли мы их найти.

Охота за этими скрытыми в нас сокровищами – вот что такое творческая жизнь.

Отчаянная храбрость, которая гонит нас на эту охоту, – вот что превращает серые будни в более яркую жизнь.

Результаты этой охоты, которые часто оказываются для нас сюрпризом, – вот их-то я и называю Большим волшебством.

Насыщенное бытие

Когда я говорю здесь о творческой жизни, пожалуйста, помните: я не обязательно имею в виду, что надо посвятить жизнь исключительно профессиональному искусству. Я не утверждаю, что вы должны стать поэтом и поселиться на Олимпе, выступать в Карнеги-холл или получить Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале. (Хотя, если вы захотите достичь какой-то из этих целей, *приступайте*, я обожаю дерзких авантюристов и мечтателей.) Нет, упоминая творческую жизнь, я говорю о ней в более широком смысле слова. Я веду речь о жизни, в которой человеком руководит больше любознательность, чем страх.

Вот, скажем, один из самых ярких примеров творческой жизни – моя подруга Сьюзен, которая увлеклась фигурным катанием в возрасте сорока лет. Вообще-то, кататься на коньках она давно уже умела. В детстве она занималась фигурным катанием и всегда обожала его, но ушла из этого спорта в подростковом возрасте, когда стало понятно, что ей недостает таланта, чтобы стать чемпионкой. (Ох уж эти подростковые годы, когда кого-то торжественно объявляют талантливым и выделяют из толпы, взваливая на хрупкие детские плечи бремя чужих надежд, а прочих сверстников при этом обрекают на банальное, лишненное вдохновения существование! Ну что за система...)

Прошло чуть больше четверти века – моя подруга Сьюзен не каталась на коньках. Чего ради стараться, если не можешь быть лучшей? Потом ей исполнилось сорок. Она стала вялой и апатичной. Но в то же время нервной. Она чувствовала, как становится незаметной серой мышью. И вот Сьюзен провела небольшую переоценку ценностей – многие так делают, когда у них юбилей. Она спросила себя, когда в последний раз ей было легко, радостно и когда она – да-да! – испытала *творческий порыв* и при этом чувствовала себя по-настоящему собой. К

своему ужасу, она поняла, что с той счастливой поры миновали долгие десятилетия. Оказалось, все это она испытывала подростком, катаясь на коньках. Сюзен была просто в шоке, осознав, что так долго подавляла в себе эту жизненную потребность. Потом ей стало интересно: а не прошла ли у нее любовь к катанию?

Она пошла на поводу у своего любопытства. Купила коньки, нашла каток и записалась к тренеру. Внутренний голос твердил, что она просто потакает своим нелепым и безумным прихотям, но Сюзен не стала его слушать. Она подавила даже неловкость от того, что оказалась единственной великовозрастной тетей среди девятилетних малышей.

Она просто занималась.

Три раза в неделю Сюзен вставала затемно и, пошатываясь спросонья, отправлялась кататься на коньках до начала долгого трудового дня. Она каталась, каталась, каталась... И выяснила, что это по-прежнему восхитительно. Теперь ей даже больше нравилось кататься, ведь, став взрослой, она наконец-то оценила, как важна сама возможность радоваться жизни. На коньках она почувствовала себя активной и юной. Она перестала казаться себе среднестатистическим потребителем, безликим исполнителем повседневных задач и обязанностей. Она начала осознавать себя как личность, решившись сделать что-то *с собой*.

Это был поворот. Поворот в буквальном смысле, как будто Сюзен, раскрутившись на льду, развернулась лицом к жизни – поворот за поворотом и новый поворот...

Пожалуйста, обратите внимание: моя героиня не ушла с работы, не продала дом, не порвала ни с кем отношений и не переехала в Торонто, чтобы оттачивать мастерство под руководством тренера олимпийского уровня. Заметьте также, что в конце истории Сюзен не получила медаль и не стала чемпионкой. Такого финала и не должно быть. На самом деле история вообще еще не окончена, потому что Сюзен *до сих пор* по несколько раз в неделю катается по утрам на коньках. Просто потому, что катание для нее – это лучший способ *выявить какую-то красоту* и выйти за рамки обыденности в своей жизни – то, чего она не могла добиться иными способами. И пока она еще здесь, на Земле, ей хочется как можно больше времени проводить за рамками обыденности.

Вот и все.

Это я и называю творческой жизнью.

И хотя способы реализации и результаты творческой жизни могут кардинально отличаться у разных людей, я с гарантией могу утверждать следующее: творческая жизнь – это жизнь насыщенная и яркая. Это грандиозная жизнь, счастливая, разнообразная и чертовски интересная. Жить так – упорно и постоянно извлекая на свет сокровища, затаенные у вас внутри, – это уже искусство *само по себе*.

Потому что в творческой жизни всегда присутствует Большое волшебство.

Страшно, страшно, страшно

Теперь давайте поговорим о храбрости.

Если вам уже хватило отваги вытащить на свет спрятанные в вас сокровища, восхитительно. Возможно, ваша жизнь уже полна интересных вещей. И эта книжка вам не нужна. Это классно.

Но если вам недостает смелости, давайте попытаемся найти ее. Ведь творческая жизнь – это дорога отважных. Мы все это знаем. И все мы знаем, что, когда храбрость иссякает, творческие силы иссякают вместе с ней. Знаем, что страх – унылый пустырь, куда отправляются наши мечты и где они высыхают на палящем солнце. Это общеизвестно – вот только мы порой просто не знаем, как с этим быть.

Дайте мне перечислить лишь несколько из множества страхов, которые могут мешать вам жить творческой жизнью.

Вы боитесь, что у вас нет таланта.

Вы боитесь, что вас отвергнут, или раскритикуют, или высмеют, или неправильно поймут, или – самое ужасное – проигнорируют.

Вы боитесь, что на ваше творчество не будет спроса, а значит, незачем и стараться его реализовывать.

Вы боитесь, что у кого-то это получится лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что у всех это получается лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что кто-то украдет ваши идеи, так что безопаснее навечно спрятать их в темноте под спудом.

Вы боитесь, что вас не воспримут всерьез.

Вы боитесь, что ваша работа имеет недостаточное политическое, эмоциональное или художественное значение, чтобы изменить чью-нибудь жизнь.

Вы боитесь, что ваши мечты неприличны.

Вы боитесь, что однажды, оглянувшись на результаты своей творческой деятельности, поймете, что это была огромная трата времени, сил и денег.

Вы боитесь оказаться недостаточно дисциплинированным.

Вы боитесь, что у вас не окажется подходящего рабочего пространства, финансовой свободы или не найдется времени, чтобы сосредоточиться на изобретениях или исследованиях.

Вы боитесь, что у вас не окажется достаточных навыков или знаний.

Вы боитесь, что вы слишком толстый. (Уж не знаю, какое отношение это может иметь к творчеству, но, как показывает мой опыт, многие из нас считают себя слишком толстыми, так включим для полноты картины и этот пункт в наш список опасений.)

Вы боитесь, что вас сочтут графоманом, глупцом, дилетантом или нарциссом.

Вы боитесь огорчить членов своей семьи тем, что они, возможно, о вас узнают.

Вы боитесь того, что могут сказать ваши партнеры или сотрудники, услышав ваши личные признания.

Вы боитесь выпустить на волю своих потаенных демонов, вам совсем не хочется

встречаться с ними.

Вы боитесь, что лучшие ваши достижения уже остались в прошлом.

Вы боитесь, что у вас никогда и не было лучших достижений.

Вы боитесь, что так долго отрицали в себе творческие способности, что теперь их уже не вернуть.

Вы боитесь, что вы уже стары, чтобы начинать.

Вы боитесь, что вы чересчур молоды, чтобы начать.

Вы боитесь, потому что однажды в жизни вам что-то удавалось, все шло хорошо, и очевидно, что так хорошо быть уже не может.

Вы боитесь, потому что в вашей жизни ничто и никогда не шло хорошо, так зачем пытаться?

Вы боитесь стать однодневкой.

Вы боитесь не стать даже однодневкой...

Слушайте, не буду я перечислять все возможные страхи, это может занять целый день, а у меня его нет. Список, во всяком случае, бесконечный и очень удручающий. Я просто резюмирую вышеперечисленное таким образом: СТРАШНО, СТРАШНО, СТРАШНО.

Все вокруг чертовски страшно.

Защита ваших слабостей

Пожалуйста, поймите, что я так решительно говорю о страхе по единственной причине – потому что сама очень близко с ним знакома. Я знаю каждый сантиметр страха, с головы до ног. Всю жизнь я была жуткой трусихой. Я, похоже, испугалась, как только родилась. Учтите, я нисколько не преувеличиваю, спросите любого в моей семье, и вам подтвердят, что да, я была исключительно запуганным ребенком. Мои самые ранние воспоминания связаны со страхом, как и многие более поздние.

Пока я росла, меня страшили не только общеизвестные и привычные опасности (темнота, незнакомцы и дальняя, глубокая, часть бассейна). Я боялась и огромного количества совершенно безобидных вещей (снега, безусловно приятных в общении нянь, машин, детских площадок, лестниц, «Улицы Сезам», телефона, настольных игр, бакалейных магазинов, острых стеблей травы, любых непривычных ситуаций, всего, что движется, и так далее, и так далее, и так далее...).

Я была чувствительным и легко травмируемым существом, которое ударялось в слезы при любом нарушении личного пространства. Мой отец выходил из себя и называл меня плаксоиваксой. Однажды летом, когда мне было восемь лет, мы отправились на побережье в Делавэре, и меня до того расстроил океан, что я попыталась заставить родителей *запретить людям на пляже заходить в воду*. (Мне было бы куда спокойнее и комфортнее, если бы все они просто сидели на берегу, каждый на своем полотенчике, и читали бы себе спокойно книжки; неужели я просила о многом?) Будь моя воля, я бы провела все каникулы – да что там каникулы, все

детство – дома, уютно устроившись на коленях у матери, при приглушенном свете лампы, желательно с прохладной тряпочкой на лбу.

Ужасно, что я в этом признаюсь, но это чистая правда: возможно, я была бы *счастлива*, если бы у меня была одна из этих кошмарных матерей, что страдают делегированным синдромом Мюнхаузена [1]; мы бы сговорились и постоянно сообща притворялись, что я больна, слаба и умираю. Будь у меня шанс, я бы охотно взаимодействовала с такой матерью, изображая абсолютно беспомощное дитя.

Но моя мать была другой.

Даже отдаленно их не напоминающей.

Наоборот, моя мама категорически не была склонна к чему-то подобному. Она ни минуты не верила моим представлениям – и, кажется, это было самой большой моей удачей в жизни. Моя мама выросла на ферме в Миннесоте, была достойным потомком суровых скандинавских иммигрантов, и ей вовсе не улыбалось потакать маленькой трусихе. Для нее это было немыслимо. Моя мать вознамерилась преодолеть все мои страхи, а ее подход был почти до смешного прямолинейным: всякий раз она заставляла меня делать именно то, что вызывало во мне ужас.

Боишься океана? Ступай окунись и искупайся в океане!

Боишься снега? Бери лопату, пора расчищать дорожки от снега!

Не можешь разговаривать по телефону? Отныне в этом доме ты официально отвечаешь за то, чтобы подходить к телефону.

Стратегия была не слишком мудреной, зато мама проводила ее последовательно. Поверьте, я сопротивлялась. Я плакала, обижалась и демонстративно, назло, терпела неудачи. Я отказывалась здоровствовать и благополучно развиваться. Наоборот, тормозила, как могла, трясясь всем телом и упираясь руками и ногами. Я готова была на все, только бы доказать, что я физически и эмоционально ослаблена.

Но маме все было нипочем, она знай свое: «Ничего подобного, с тобой все в порядке!»

Я потратила годы на борьбу с маминой непоколебимой верой в мои силы и способности. Пока однажды, уже подростком, я наконец не осознала, что препираться дальше довольно глупо. Что я защищаю? Собственную слабость? И это то, за что я готова стоять не на жизнь, а на смерть?

Как говорится, защищай свои несовершенства, и они твои навсегда.

С чего бы мне держаться за какие-то несовершенства?

Я, как видите, не захотела.

И не хочу, чтобы и вы держались за свои.

Страх – это скучно

Позднее я подолгу размышляла над тем, что же побудило меня наконец перестать играть роль плаксы-ваксы, – буквально ночами не спала. Конечно, этому поспособствовало много факторов

(мамино упорство, мое взросление), но главным, я полагаю, оказалось вот что: однажды я поняла, что бояться скучно.

Вообще-то, мой страх всегда был скучен всем вокруг, но лишь когда я достигла подросткового возраста, он наскучил даже мне самой. Полагаю, причина была та же, по которой Джеку Гилберту наскучила его слава: *каждый день одно и то же*.

В возрасте примерно пятнадцати лет я каким-то образом поняла, что мой страх напрочь лишен разнообразия, глубины, основательности. Я заметила, что страх никогда не меняется, не приносит удовольствия, никогда не предполагает сюрпризов или неожиданных концовок. Мой страх был словно песня с мелодией из одной ноты, и к тому же состоящая из одного слова, а этим словом было «СТОП!». Страх был не способен предложить мне ничего более занимательного, более изысканного, чем это резкое, раз за разом повторяемое на полной громкости слово: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!»

Следовательно, страх всякий раз вынуждал меня принимать предсказуемо скучные желания, как если бы книга, где самому можно выбирать концовку, всегда имела одно завершение: *пустоту*.

Я поняла, что мой страх скучен еще и потому, что он был абсолютно идентичен чьим-либо еще страхам. Я поняла, что у всех песня страха состоит из точно такой же нудной строчки: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!» Конечно же громкость у разных людей может отличаться, но сама песня никогда не меняется, потому как еще в материнской утробе все мы, человеческие существа, были снабжены одинаковыми комплектами страха. Да и не только люди: если вы проведете рукой над чашкой Петри, в которой сидит головастик, он станет уворачиваться от вашей тени. Этот головастик не может писать стихи, он не умеет петь, ему неведомы любовь, ревность, зависть или радость победы, мозг у него размером с запятую, но даже он отлично знает, как надо бояться неизвестного.

Как и я.

Как и все мы. Но в этом нет ничего совершенно непреодолимого. Понимаете, о чем я? Я имею в виду, что за умение бояться неизвестного вы не получите никаких особенных *бонусов*. Другими словами, страх – это очень древний инстинкт, принципиально важный для процесса эволюции... но не особенно умный.

В своем трусоватом детстве я фиксировалась на страхе так, будто во мне не было ничего более интересного, а на самом-то деле он был самым банальным. Возможно даже, что только страх во мне и можно было назвать на сто процентов банальным. Ведь во мне было творческое начало, и оно было уникальным; была личность, и она была уникальна; у меня были мечты, перспективы, стремления, и они были уникальны. Но страх был вовсе не оригинален. Мой страх не был каким-то редким произведением искусства ручной работы, это был просто ширпотреб, продукт серийного производства, который можно найти на полках любого заурядного магазина.

И это было то, на чем я хотела построить свою идентичность?

На самом банальном из своих инстинктов?

На паническом рефлексе тупого головастика, сидящего внутри у каждого из нас?

Ну уж нет.

Страх, который вам нужен, и страх не нужный вовсе

Теперь вы, вероятно, ждете, что я стану говорить – вам, мол, нужно стать бесстрашными для того, чтобы начать творческую жизнь. Но я не скажу такого, потому что вовсе так не думаю. Творческий путь для смелых – это верно, но не для *бесстрашных*, и понимать разницу очень важно.

Храбрость означает способность взяться за что-то, хотя это страшит.

Бесстрашие означает, что человек просто даже не понимает, что означает слово «страшно».

Если вы поставили перед собой жизненную цель стать бесстрашными, то, мне кажется, вы на неверном пути, потому что единственными бесстрашными людьми, каких мне доводилось встречать, были либо полные психопаты, которым море по колено, либо на редкость беспечные трехлетние дети; ни тех, ни других нельзя назвать хорошим примером для подражания.

Дело в том, что страх вам нужен, по понятным причинам, для выживания. Эволюция не зря установила у вас внутри рефлекс страха, потому что, не будь у вас внутри страха, ваша жизнь была бы короткой, безумной и бессмысленной. Вы ходили бы по проезжей части. Бродили бы по дремучему лесу, где вас съели бы медведи. Вы прыгали бы в гигантские волны прибоя на Гавайях, почти не умея плавать. И вышли бы замуж за человека, заявившего на первом свидании: «Вообще-то, я считаю, что люди по своей природе не моногамны».

Так что да, разумеется, вам нужен страх, чтобы защитить вас от реальных опасностей, подобных тем, что я перечислила выше.

Но вам совершенно не нужен страх в мире творческого вдохновения.

Серьезно, вот совсем не нужен.

Но то, что вам *не нужен* страх, когда дело касается творчества, конечно, не означает, что он не проявится. Поверьте, страх непременно поднимет голову, особенно если вы попытаетесь что-нибудь изобрести или сделать что-то новое и небывалое. Страх будет спровоцирован вашим стремлением к творчеству, потому что творчество побуждает вступать на зыбкую почву, браться за дела с неопределенным исходом, а страх *не терпит* неопределенности. Ваш страх – призванный эволюцией бдительно следить за вами и постоянно вас опекать – вечно предполагает, что любое неопределенное развитие событий неминуемо приведет к ужасной кровавой гибели. Грубо говоря, страх подобен охраннику магазина, который вообразил себя непобедимым спецназовцем: он сутками не спит, держится только на напитках-энергетиках и готов стрелять в собственную тень в абсурдном стремлении обеспечивать «безопасность» для всех и каждого.

Такое положение вещей совершенно естественно для человека.

Тут абсолютно нечего стыдиться.

Однако с этим необходимо будет как-то разбираться.

Поездка

Вот как я научилась справляться с собственным страхом: прежде всего, я решила, что если я хочу творчества в жизни – а я хочу, – то в ней будет место и для страха.

И много места.

Я попыталась построить свою жизнь так, чтобы страх и творческое начало смогли в ней мирно сосуществовать, раз уж все равно понятно, что они никуда от меня не денутся. Похоже, они неотделимы друг от друга, как сиамские близнецы, – творчество и шагун не может ступить без того, чтобы рядом не шел страх. Страх и творческое начало вынашивались в одной утробе, родились одновременно, и наверняка какие-то жизненно важные органы у них общие. Вот почему нужно осторожнее обращаться со своими страхами: я замечала, что, пытаясь избавиться от страха, люди, сами того не желая, убивают в себе и творческие силы.

Так что я не пытаюсь уничтожить свой страх. Не веду против него войну. Наоборот, я оставляю для него место. Массу места. Каждый день. И вот прямо сейчас я тоже оставляю место для страха. Я позволяю своему страху жить, дышать и спокойно вытягиваться в полный рост. И знаете, мне кажется, что, чем меньше я борюсь со страхом, тем реже он атакует в ответ. Если мне удастся расслабиться, страх тоже расслабляется. По сути, я всегда радушно приглашаю страх следовать за мною всюду, куда бы ни шла сама. У меня даже есть пригласительная речь для страха, которую я произношу всякий раз перед тем, как взяться за новый проект или нырнуть с головой в очередное большое приключение.

Выглядит она примерно так:

«Дорогой Страх! Мы с Творчеством собираемся отправиться в дорогу. Понимаю, ты к нам присоединишься, ты же всегда так делаешь. Знаю, ты думаешь, что занимаешь важное место в моей жизни, и очень ответственно относишься к своей работе. Видимо, эта работа состоит в том, чтобы вызывать полную панику всякий раз, когда я соберусь сделать что-то интересное. Должна признать, ты справляешься со своей задачей *на высшем уровне*. Так продолжай на здоровье, делай свое дело, раз уж ты считаешь, что это необходимо. Но и я буду делать свою работу в этой поездке, а она заключается в том, чтобы усердно трудиться и не отвлекаться. А Творчество будет выполнять свою работу, а именно подбадривать и вдохновлять. В нашей машине хватит места всем троим, будь как дома, но имей в виду: *решения в этой поездке будем принимать только я и Творчество*. Я сознаю, что ты часть нашей семьи, принимаю это и потому не буду тебе мешать, но не обессуди, твои предложения учитываться не будут. У тебя есть право занять свое место, право высказываться, но нет права голоса. Тебе запрещено трогать дорожные карты и предлагать объездные пути, запрещено крутить ручки на приборной панели. Приятель, тебе нельзя даже трогать *радио*. Но главное, мой старый, давно знакомый друг, тебе ни в коем случае нельзя садиться за руль».

И потом мы отправляемся в путь – я, творческое начало и страх, – как всегда бок о бок, и снова движемся к пугающей, но восхитительной территории неопределенных исходов.

Почему оно того стоит

Это, скажу я вам, не так уж легко и приятно – отважно пуститься в прекрасное путешествие и при этом постоянно чувствовать под боком свой страх, – но все равно дело стоит того, ведь, если вы не научитесь комфортно путешествовать вместе со своим страхом, вам никогда не отправиться в интересное место и не сделать ничего интересного.

А это было бы досадно, поскольку ваша жизнь коротка, уникальна, прекрасна и удивительна, и хорошо бы создать что-нибудь интересное, пока вы живы. Я знаю, вы этого хотите, потому что я сама хочу того же.

Все мы только этого и хотим.

И внутри у вас спрятаны сокровища – невероятные сокровища, – как и у меня, как и у всех

вокруг. Но для того, чтобы добыть эти сокровища, требуются усилие, вера, их концентрация, храбрость и много часов потраченного времени, а часы-то тикают, земля вертится, и у нас попросту нет времени, чтобы *размениваться на мелочи*.

Волшебство

Идея приходит

Теперь, покончив с разговорами о страхе, мы с вами можем наконец перейти к волшебству.

Сперва я хотела бы рассказать о самом магическом, что когда-либо со мной происходило.

Речь о книге, которую я не смогла написать.

Начну свой рассказ с ранней весны 2006 года. Я только что выпустила книгу «Есть, молиться, любить» и пыталась понять, за что же мне теперь браться в творческом смысле. Инстинкты подсказывали мне, что пора вернуться к своим литературным истокам и написать художественную книгу, чего я не делала годами. На самом деле я так давно не писала романов, что боялась, не забыла ли я вообще, как это делается. Я опасалась, что художественная литература стала для меня языком, на котором я не могу говорить. Но вот сейчас у меня появилась идея для романа – идея, которая меня ужасно увлекла.

Эта идея была основана на истории, которую мне рассказал мой возлюбленный, Фелипе, о том, что произошло, когда он рос в Бразилии в 1960-е годы. Кажется, правительство Бразилии намеревалось тогда проложить гигантскую автодорогу через амазонские джунгли. Дело было в эпоху бурного развития и модернизации, и такая схема, должно быть, казалась в то время проявлением максимальной дальновидности. Бразильцы вложили огромные деньги в этот амбициозный проект. Международное сообщество добавило многие миллионы на строительство. Какая-то часть денег тотчас исчезла в черной дыре коррупции и неорганизованности, но в итоге достаточное количество попало куда следует, и проект можно было начинать. Несколько месяцев все шло хорошо. Работа успешно двигалась. Небольшой отрезок дороги закончили полностью. Джунгли были побеждены.

А потом начались дожди.

Похоже, никто из проектировщиков до конца не осознавал того, что такое сезон дождей в Амазонии. Строительную площадку моментально затопило, и она стала необитаемой. Рабочим ничего не оставалось, кроме как уйти, оставив всю технику под слоем воды в несколько футов глубиной. А когда они вернулись спустя много месяцев после того, как дожди утихли, то, к ужасу своему, обнаружили, что джунгли попросту поглотили их проект. Все, что было построено, все их усилия были сведены природой к нулю, как если бы рабочих и дороги никогда не существовало вообще. Они даже не могли сказать, где именно вели работы. И вся их тяжелая техника тоже пропала. Ее никто не крал, а просто как будто кто-то *проглотил*. Как описал это Фелипе: «Бульдозеры с колесами в человеческий рост засосала земля, и они навсегда исчезли. Пропало всё».

Когда он поведал мне эту историю – особенно эту часть, про джунгли, поглотившие технику, – у меня по рукам забегали мурашки. Волоски на шее моментально стали дыбом, у меня закружилась голова, и даже слегка затошнило. Такие чувства я испытываю, когда влюбляюсь, или слышу тревожные новости, или смотрю через пропасть на что-то прекрасное, завораживающее, но опасное.

Подобное я уже испытывала раньше и поэтому сразу поняла, в чем дело. Такая сильная эмоциональная и физиологическая реакция у меня бывает не очень часто, но все же это случается (и к тому же вполне соответствует описаниям разных людей по всему миру и во все времена), так что я могла с уверенностью назвать ее причину: вдохновение.

Так себя чувствуешь, когда тебя посещает замысел, новая идея.

Как работают идеи

В этом месте я должна пояснить, что всю свою жизнь провела в преданном служении творчеству, а параллельно пыталась разобраться в том, как оно работает – и как работать с ним, – и все мои гипотезы целиком и полностью построены на магическом мышлении. И когда я говорю здесь о магии, то имею в виду магию в буквальном смысле слова. То есть как в Хогвартсе. Я подразумеваю сверхъестественное, мистическое, необъяснимое, фантастическое, божественное, трансцендентное, неземное. Потому что я, по правде говоря, думаю, что творческое начало – это своего рода волшебная сила не вполне человеческого происхождения.

Знаю, это не слишком современный и рациональный взгляд на вещи. И совершенно ненаучный. Буквально пару дней назад я слышала, как уважаемый невролог говорил: «Творческий процесс может казаться магическим, но это не магия».

При всем уважении я не могу с ним согласиться.

Я верю в то, что творческий процесс магический – и при этом *сам* является магией.

Потому что мое представление о том, как «работает» творчество, таково.

Я считаю, что наша планета населена не только животными, растениями, бактериями и вирусами, но и *идеями*. Идеи – это бестелесная, энергетическая форма жизни. Они совершенно независимы от нас, но могут общаться с нами, хоть и довольно странно. У идей нет материального тела, но есть сознание, и они, скорее всего, обладают волей. Идеями движет одно стремление: быть воплощенными. А воплотиться идея может только одним способом – через взаимодействие с партнером, человеком. Только усилием человека идею можно вывести из воздуха в материальную реальность.

Стало быть, идеи проводят целую вечность, кружа вокруг нас в поисках способных и готовых к взаимодействию людей-партнеров. (Здесь я имею в виду *все* идеи – творческие, научные, промышленные, коммерческие, этические, религиозные, политические.) Когда идее кажется, что она нашла кого-то подходящего, кто мог бы воплотить ее в реальность – скажем, вас, – идея вас посещает. Она старается привлечь ваше внимание. Вы, скорее всего, этого не заметите. Обычно так бывает, потому что вы настолько поглощены собственными переживаниями, тревогами, комплексами и обязанностями, что теряете восприимчивость к вдохновению. Вы можете не заметить сигнал, потому что смотрите телевизор, или бегаєте по магазинам, или злитесь на кого-то, или обдумываете свои неудачи и ошибки, или просто очень заняты. Какое-то время идея будет пытаться вас привлечь (может, несколько минут, месяцев или даже лет), но, поняв наконец, что вы не замечаете ее сигналов, отправится к кому-нибудь другому.

Но иногда – это случается редко, но всегда прекрасно – наступает день, когда вы достаточно расслаблены и открыты, чтобы что-то воспринять. Ваша самозащита ослаблена, тревога отпустила, и тогда магии удастся проскользнуть внутрь. Идея, чувствуя вашу открытость, начинает воздействовать на вас. Она посылает универсальные физические и эмоциональные сигналы вдохновения (холодок по коже, волоски на шее, встающие дыбом, спазмы в желудке, трудно собраться с мыслями – чувство, будто влюблен или одержим). Идея будет подстраивать

совпадения и знамения, чтобы направлять вас и поддерживать ваш интерес. Вы начнете замечать разные знаки, подталкивающие вас навстречу идее. Все, что вы видите и к чему прикасаетесь, будет напоминать вам о ней. Идея будет будить вас среди ночи и отвлекать от повседневной рутины. Идея не оставит вас в покое, пока целиком не завладеет вашим вниманием.

А потом, в один прекрасный момент, она спросит: «Хочешь работать со мной?»

И у вас будет два варианта ответа.

Что будет, если вы скажете «нет»

Легче всего конечно же просто сказать «нет».

Тогда вы избавитесь от трудностей. Идея уйдет, и – поздравляю! – вам больше не придется беспокоиться и что-то там создавать.

Поймите правильно, это не всегда позорный выбор. Действительно, порой вы отказываетесь от вдохновения из-за лени, тревоги, комплексов или раздражения. Но бывает, что момент и впрямь неподходящий, или вы уже вовлечены в другой проект, или уверены в том, что конкретно эта идея постучалась не в ту дверь.

Меня много раз посещали идеи, которые, знаю, не подходили мне, и я вежливо говорила: «Ваше приглашение честь для меня, но я вам не подхожу. Не могу ли я предложить вам посетить, скажем, Барбару Кингсолвер?» (Отсылая идею прочь, я всегда стараюсь разговаривать с ней максимально любезно – не хочу, чтобы по миру прошел слухок, что со мной сложно работать.)

Что бы вы ни ответили несчастной идее, отнеситесь к ней с сочувствием. Помните: она всего лишь хочет, чтобы ее реализовали. Ей действительно приходится стучаться во все возможные двери.

Можете ответить «нет».

В этом случае абсолютно ничего не произойдет.

Люди чаще всего так и отвечают.

Большую часть своей жизни большинство людей просто ходят и день за днем твердят: «Нет, нет, нет, нет, нет».

Однако в один прекрасный день вы можете сказать «да».

Что будет, если вы скажете «да»

Если вы ответите идее «да», начнется самое интересное.

Вас ждет работа одновременно легкая и трудная. Отныне вы заключили официальный контракт с вдохновением и должны постараться изо всех сил, даже несмотря на то, что исход абсолютно непредсказуем.

Вы можете прописать в этом контракте любые условия, какие вам нравятся. В современной западной цивилизации самый обычный творческий контракт воспринимают как маету и страдание. Это контракт, в котором говорится: «Я уничтожу себя и всех вокруг себя в

попытках реализовать вдохновение, и мое мученичество станет символом моей творческой легитимности».

Если вы решили заключить контракт на условиях творческих страданий, придется постараться максимально соответствовать стереотипу Страдающего Художника. Недостатка в ролевых моделях у вас не будет. Чтобы следовать их примеру, соблюдайте фундаментальные правила: как можно больше пейте; перессорьтесь со всеми; с самим собой боритесь неистово, до крови; постоянно выражайте недовольство своей работой; завидуйте коллегам и соперничайте с ними; завидуйте любым чужим успехам; восклицайте, что талант – ваше проклятие (а не благословение); ставьте свою самооценку в зависимость от чужих похвал; задирайте нос в случае успеха и жалейте себя в случае поражения; чтите тьму вместо света; умрите молодым; вините творчество в том, что оно вас сгубило.

Работает ли этот метод?

Еще бы. Прекрасно работает. Пока не убьет вас.

Так что можете выбрать этот путь, если действительно хотите. (И не позволяйте ни мне, никому другому отобрать у вас страдание, если уж вы ему так преданы!) Но я не уверена в плодотворности этого пути и в том, что он принесет вам и вашим близким радость и покой. Признаю: такой способ жизни в творчестве бывает весьма эффективным, а после вашей смерти даст массу материала для биографического фильма. Так что, если вы предпочитаете короткую жизнь, полную трагичного очарования, жизни долгой и приносящей глубокое удовлетворение, *можете ни в чем себе не отказывать*.

У меня, однако, всегда было такое ощущение, что муза такого художника-страдальца – пока он сам бьется в очередной истерике – тихонько сидит в углу студии, полирует ногти и терпеливо ждет, когда же парень успокоится, протрезвеет и можно будет вернуться к работе.

Потому что, в конце концов, речь ведь о работе, так? Или не так?

А вдруг есть другой способ достигнуть цели?

Можно, я предложу его вам?

Иной способ

Другой способ – это полное, почтительное и радостное сотрудничество с вдохновением.

Уверена, что на протяжении веков люди именно так занимались творчеством, пока не решили устроить из этого оперу «Богема». Оказывается, можно воспринимать идеи с уважением и интересом, без ужаса и трагедий. Можно устранить все препятствия, мешающие жить творческой жизнью, просто осознав: то, что вредит вам, вредит и делу. Можно прекратить бухать, чтобы иметь ясный ум. Можно поддерживать нормальные отношения и не отвлекаться на вами же спровоцированные эмоциональные срывы. Можно себе позволить радоваться своим достижениям. (А если проект не оправдал себя, всегда можно подумать о нем как о полезном творческом опыте.) Можно противостоять искушениям и не впадать в крайности от мании величия до самобичевания. Можно поддерживать других людей в их творческих начинаниях, ведь, по правде говоря, места хватит всем. Можно оценивать себя не по провалам или успехам, а по тому, насколько вы верны своему делу. Можно сражаться со своими демонами (психотерапией, здоровым образом жизни, молитвами или смирением), вместо того чтобы сражаться с собственным даром, поняв, в частности, что вовсе не демоны выполняли за вас

вашу работу. Можно поверить в то, что вы не раб и не повелитель своего вдохновения, а кое-что поинтереснее, его партнер, и что вы вдвоем, сообща, прокладываете путь к чему-то увлекательному и стоящему. Можно прожить долгую жизнь, всю дорогу занимаясь по-настоящему крутыми вещами. Можно зарабатывать на жизнь своим занятием или нет, но прежде всего важно понять, что не это главное. И под конец своих дней вы сможете поблагодарить творчество за то, что оно благословило вас, подарив волшебную, захватывающе интересную и неравнодушную жизнь.

Это и есть другой способ.

Выбирать вам.

Идея растет

Вернемся к моей волшебной истории.

Благодаря рассказанной Фелипе истории об Амазонке меня посетила блестящая идея: я вдохновилась и поняла, что хочу написать роман о Бразилии 1960-х. Точнее, о попытках построить злополучную магистраль через джунгли.

Эта идея будоражила меня, казалась грандиозной. Но и страшила: я ведь ни черта не знала ни о бразильской Амазонии, ни о строительстве дорог в 1960-е годы. Впрочем, все хорошие идеи поначалу кажутся пугающими, так что я взялась за дело. Я согласилась заключить с идеей контракт. Мы должны были работать сообща. Мы, так сказать, ударили по рукам. Я пообещала идее, что не буду ей противиться и никогда от нее не откажусь, но буду сотрудничать с ней только в пределах моих возможностей, пока совместная работа не будет завершена.

Потом я сделала то, что делаешь всегда, когда серьезно подходишь к проекту или увлечению: расчистила для него место. Очистила письменный стол в прямом и переносном смысле. Каждое утро я посвящала несколько часов поиску информации. Вечерами я заставляла себя лечь спать пораньше, чтобы вскочить на рассвете и бодро взяться за работу. Я отказывалась от развлечений и встреч, чтобы сосредоточиться на деле. Я заказала книги о Бразилии и связалась с экспертами. Начала изучать португальский. Накупила картотечных карточек (это мой любимый способ вести записи) и позволила себе начать мечтать об этом новом мире. И уже в этом пространстве меня начали посещать новые идеи, а сюжет начал обретать форму.

Я решила, что моей героиней станет американка средних лет по имени Эвелин. На дворе 1960-е, время политического и культурного расцвета, но Эвелин он не коснулся - она мирно и спокойно живет у себя в Миннесоте. Замуж она не вышла и вот уже двадцать пять лет усердно работает ответственным секретарем в крупной строительной фирме. Все это время Эвелин тихо и безнадежно влюблена в своего женатого босса, доброго и работающего человека, который видит в ней только квалифицированного помощника. У босса есть сын - сомнительный тип с большими амбициями. Сын слышит о намечающемся строительстве огромной магистрали в Бразилии и убеждает отца предложить услуги фирмы. Не мытьем, так катаньем, но сыну удается уговорить отца вложить в этот проект весь семейный капитал. Наконец он отправляется в Бразилию, с большими деньгами и безудержными мечтами о славе. Вскоре, однако, и сын, и деньги исчезают. Встревоженный отец отправляет Эвелин, своего доверенного представителя, на Амазонку с заданием попытаться разыскать пропавшего молодого человека и деньги. Из любви и чувства долга Эвелин едет в Бразилию, и с этого момента ее размеренная, серенькая жизнь в корне меняется: женщина попадает в мир хаоса, лжи и насилия. Драматизм и мистические откровения присутствуют. В наличии еще и любовная история.

Я решила назвать этот роман «Амазонка Эвелин».

Написала заявку на книгу и отправила своей издательской компании. Им понравилось, и они ее купили. Тогда я заключила еще один договор с идеей – на сей раз формальный контракт, с нотариально заверенными подписями, сроками исполнения и т. д. Теперь я была задействована по полной программе. И серьезно взялась за работу.

Идея отходит на второй план

Спустя несколько месяцев, однако, драма в реальной жизни отвлекла меня от драмы вымышленной. Во время очередной поездки в Америку моего возлюбленного Фелипе задержали пограничники, и ему было отказано во въезде в Соединенные Штаты. Он не сделал ничего дурного, и, тем не менее, по решению Министерства национальной безопасности его посадили под арест, а потом выдворили из страны. Нам сообщили, что Фелипе никогда больше не сможет приехать в Америку, если только мы не поженимся. Я поняла, что, если хочу быть рядом с любимым человеком, чтобы поддержать его в это трудное время изгнания, нужно срочно собирать вещи и ехать к нему, за границу. Так я и сделала и провела с ним почти год, помогая разбираться в этом бедламе и оформляя документы на иммиграцию.

Такие потрясения – не лучший фон для того, чтобы полностью сосредоточиться на написании объемного и тщательно проработанного романа о бразильской Амазонии шестидесятых. Поэтому я отложила историю Эвелин, искренне пообещав, что вернусь к ней позже, когда все встанет на свои места. Упаковав сделанные для романа записи вместе с остальными вещами, я отправилась через полпланеты к Фелипе, чтобы вместе разбираться со всем этим бардаком. А поскольку я все равно должна о чем-то писать, а иначе просто сойду с ума, то я решила написать об *этом*, а именно изложить на бумаге все, что произошло в моей реальной жизни, чтобы самой разобраться во всех ее перипетиях. (Как сказала известная журналистка и писательница Джоан Дидион: «Я не знаю, что я думаю, пока не напишу об этом».)

Со временем эта задумка воплотилась в виде моей книги мемуаров «Законный брак».

Хочу пояснить: я не жалею о том, что написала «Законный брак». Я бесконечно благодарна этой книге, а работа над ней помогла мне разобраться с сильной тревогой, которую я испытывала в преддверии предстоящей свадьбы. Но эта книга была в центре моего внимания довольно долго, больше двух лет. Двух лет, которые я не посвятила написанию «Амазонки Эвелин».

Нельзя так надолго оставлять идею без присмотра.

Я честно намеревалась вернуться к роману. Так что, когда мы с Фелипе поженились и вернулись в США, а «Законный брак» был закончен, я достала все свои записи и села за стол, готовая вернуться к созданию романа об амазонских джунглях.

И тут я сделала крайне неутешительное открытие.

Мой роман исчез.

Идея уходит

Давайте объясню.

Я не хочу сказать, что кто-то украл мои записи или стерся важный файл на компьютере. Я

имею в виду, что исчезла живая душа моего романа. Разумная сила, одушевляющая любое яркое творческое начинание, улетучилась, хочется сказать, как бульдозеры в джунглях. Конечно, все исследования и записи, сделанные мной два года назад, были на месте, но я сразу почувствовала, что вижу перед собой лишь пустую оболочку того, что не так давно было живой, пульсирующей сущностью.

Я довольно упряма в таких вещах и просто так не бросаю свои проекты, так что несколько месяцев подстегивала этот трупик, пытаюсь заставить снова работать, но все напрасно. Там ничего даже не теплится. Это было все равно что тыкать палкой в сброшенную змеиную шкуру: чем больше я возилась, тем быстрее оболочка распадалась и обращалась в прах.

Я поняла, что именно произошло, потому как сталкивалась с подобным и раньше: замыслу надоело ждать, и он меня покинул. Могла ли я его винить, ведь я сама нарушила договор, в конце концов. Я обещала полностью отдавать себя написанию «Амазонки Эвелин», а потом изменила данному слову. Больше двух лет я не уделяла книге никакого внимания. Что оставалось делать замыслу – просто сидеть и ждать, пока я его игнорировала? Может быть. Иногда идеи и правда ждут. Некоторые чрезвычайно терпеливые идеи могут годами и даже десятилетиями дожидаться, пока на них обратят внимание. А другие не будут, ведь все идеи по натуре разные. Вот вы – станете вы сидеть взаперти два года, если партнер пошлет вас подальше? Сомневаюсь.

Так что отвергнутый замысел поступил так же, как поступили бы многие уважающие себя живые существа: смылся.

Все по-честному, верно?

Ведь такова оборотная сторона договора с творческим началом: если вдохновению разрешено неожиданно вас посетить, оно имеет право так же неожиданно вас покинуть.

Будь я моложе, потеря «Амазонки Эвелин» выбила бы меня из колеи, но на этом этапе своей жизни я имела довольно большой опыт общения с воображением и смирилась без лишних переживаний. Я могла бы оплакивать потерю, но не стала: я же знала, каковы условия договора, и приняла их. Я понимала: лучшее, что можно сделать в такой ситуации, это отпустить прежнюю идею и поймать другую, которая подлетит поближе. И лучший способ этого добиться – двигаться дальше быстро, смиренно и с достоинством. Не впадать в панику по поводу того, что ушло. Не терзать себя. Не гневаться на богов. Все это не что иное, как отвлекающие факторы, а вам не нужно отвлекаться. Если вам необходимо скорбеть, скорбите, но эффективно. А лучше всего просто с достоинством попрощаться с утраченной идеей и продолжать двигаться вперед. Найдите что-нибудь, над чем можно поработать, – неважно что, но обязательно возьмитесь за дело. Не сидите сложа руки.

Прежде всего, будьте готовы. Смотрите в оба. Слушайте. Прислушивайтесь к своему любопытству. Задавайте вопросы. Принюхивайтесь. Будьте открыты. Поверьте в этот удивительный факт: идеи постоянно, каждый день, ищут сотрудничества с людьми. Идеи разного рода так и скачут вокруг нас, проходят сквозь нас, пытаются привлечь наше внимание.

Покажите им, что вы готовы к работе.

И во имя всего святого, постарайтесь не упустить следующую.

Колдовство

Так должна была закончиться моя амазонская история. Но не закончилась.

Как раз в то время, когда моя идея от меня убежала - в 2008 году, - у меня появилась новая подруга, Энн Пэтчетт, знаменитая писательница. Мы познакомились в Нью-Йорке, на экспертной дискуссии по библиотекам.

Да, вы не ослышались: экспертной дискуссии по библиотекам.

Жизнь писателя, как видите, донельзя гламурна.

Энн сразу привлекла мое внимание не только потому, что мне всегда нравились ее книги, она и при личном общении оказалась весьма примечательной особой. У Энн есть поразительная способность казаться маленькой и незаметной - почти невидимой - и наблюдать мир вокруг, оставаясь в безопасной анонимности, чтобы потом, оставшись незамеченной, о нем писать. Другими словами, ее сверхспособность заключается в том, чтобы скрывать свои сверхспособности.

Впервые встретив Энн, я, что неудивительно, не узнала в ней известного автора. Она выглядела такой непримечательной, маленькой и юной, что я приняла ее за чью-то ассистентку или даже ассистентку ассистентки. Потом я поняла, кто она такая. И подумала: «О боже! Какая кроткая крошка!»

Представьте, ей удалось меня одурачить.

Часом позже мисс Пэтчетт поднялась на кафедру и произнесла одну из самых мощных и ошеломительных речей, какие мне приходилось слышать. Она всколыхнула аудиторию и всколыхнула меня. И тогда я заметила, что она на самом деле довольно высокая женщина. И сильная. И ослепительно красивая. И страстная. И блистательная. Как будто она скинула плащ-невидимку и предстала перед нами настоящей богиней.

Я была поражена. До того мне не приходилось видеть, чтобы кто-то преобразался таким образом буквально в одно мгновение. А поскольку у меня нет сдерживающих центров, то после мероприятия я подбежала к ней и схватила за руку, мне хотелось поймать это чудесное создание до того, пока оно снова не растворилось в невидимости.

Я сказала: «Энн, я понимаю, что мы только познакомились, но я должна сказать: ты замечательная, и я от тебя без ума!»

Вообще-то, Энн Пэтчетт - женщина, у которой *есть* сдерживающие центры. Неудивительно, что она покосилась на меня с подозрением. Казалось, она принимает насчет меня какое-то решение. В какой-то момент я готова была провалиться сквозь землю. Но то, что она сделала после, было прекрасно. Она взяла в руки мое лицо и *расцеловала* меня. А потом произнесла: «А я без ума от тебя, Лиз Гилберт».

В этот самый момент вспыхнула наша дружба.

Однако это несколько необычная разновидность дружбы. Энн и я живем в разных штатах (я в Нью-Джерси, а она в Теннесси), так что мы не могли бы раз в неделю встречаться и общаться за ланчем. К тому же мы обе не любительницы долгих телефонных разговоров. Социальные сети тоже не стали для нас местом общения. Вместо этого мы решили ближе знакомиться друг с другом посредством забытого в наше время искусства написания писем.

Мы с Энн начали каждый месяц писать друг другу длинные вдумчивые письма, это стало традицией и продолжается по сей день. Настоящие письма, на бумаге, в конвертах с почтовыми марками и все такое. Это довольно старомодный способ дружить, но мы обе вообще

довольно старомодны. Мы пишем друг другу о своих мужьях, семьях, друзьях и о своих злоключениях. Но больше всего пишем мы о своей литературной работе.

Вот так и получилось, что однажды – осенью 2008 года – Энн вскользь упомянула в письме, что недавно начала работать над новым романом и что он об амазонских джунглях.

По очевидным причинам это привлекло мое внимание.

В ответном письме я спросила, о чем конкретно будет роман. Я объяснила, что также работала над романом о джунглях Амазонки, но идея улизнула от меня, поскольку я ей пренебрегла (к тому времени я точно знала, что Энн поймет, о чем я). Энн ответила, что еще слишком рано и пока точно не знает, каков именно будет сюжет ее романа о джунглях. Все пока еще на ранних стадиях. Сюжет только обретает форму. Она будет держать меня в курсе того, как развивается процесс написания.

В феврале следующего года мы с Энн встретились во второй раз в жизни. Нам предстояло выступить вместе на мероприятии в Портлендле, штат Орегон.

Утром в день выступления мы вдвоем завтракали в гостиничном кафе. Энн сказала мне, что погрузилась в процесс написания своей новой книги – уже готово больше ста страниц.

Я сказала: «Хорошо, тогда придется тебе рассказать мне, о чем твой роман. Я умираю от любопытства».

«Сначала ты, – ответила Энн. – Ты ведь первая решила написать книгу. Расскажи, о чем был твой роман про амазонские джунгли, тот, который ушел».

Я постаралась пересказать сюжет максимально сжато. Я сказала: «Он был о старой деве средних лет, которая живет в Миннесоте и много лет тайно влюблена в своего женатого босса. Он влезает в рискованный бизнес-проект, связанный с джунглями Амазонки. По ходу пропадают огромная сумма денег и человек, а мою героиню отправляют туда, чтобы со всем разобраться, и с этого момента ее тихая жизнь превращается в хаос. Да, и там еще любовная история».

Энн, сидящая напротив, смотрела на меня в упор долгую минуту.

Прежде чем я продолжу рассказ, хочу кое-что вам пояснить: в отличие от меня Энн Пэтчетт настоящая леди. У нее изысканные манеры. Она никогда не бывает грубой или вульгарной, и тем сильнее меня шокировало то, что она произнесла:

«Да ты, на хрен, шутишь!»

«Почему? – удивилась я. – О чем твой роман?»

Она ответила: «Он о старой деве из Миннесоты, которая много лет тайно влюблена в своего женатого босса. Он вовлечен в рискованную бизнес-схему в джунглях Амазонки. Куча денег и человек пропадают, и мою героиню посылают туда разобраться со всем, и с этого момента ее тихая жизнь превращается в хаос. А еще это любовная история».

Какого хрена?

Это же не жанровая схема, ребята!

Эта история – не скандинавский детектив о расследовании убийств и не роман о вампирах. Это не расхожий, весьма своеобразный сюжет. Нельзя же прийти в книжный магазин и попросить у консультанта показать вам раздел, где стоят книги о старых девах из Миннесоты, влюбленных в своих женатых боссов и отправляющихся в амазонские джунгли, чтобы найти пропавших людей и спасти обреченные проекты.

Так просто *не бывает!*

Признаться, когда мы разобрали все до мельчайших деталей, некоторые различия нашлись. Действие романа у меня происходит в 1960-е, а у Энн – в наши дни. Моя книга – о строительстве магистрали, а ее – о фармацевтической промышленности. Но в остальном? Это одна и та же книга.

Как вы можете представить, нам с Энн потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после такого откровения. И тогда, как беременные женщины, которые хотят вспомнить момент зачатия, мы обе начали высчитывать на пальцах, пытаюсь понять, когда я потеряла идею, а она ее нашла.

Выходило так, что эти события произошли примерно в одно время.

Фактически, так мы считаем, идея перешла от меня к ней в день, когда мы познакомились.

Фактически, мы думаем, она передалась с поцелуем.

Вот *это*, друзья мои, и есть Большое волшебство.

Небольшое отступление

Теперь – погодите радоваться – я бы хотела сделать небольшую паузу и попросить, чтобы вы представили себе, какие негативные выводы я могла бы сделать, будь у меня стремление разрушить свою жизнь.

Худшим и наиболее разрушительным было бы вообразить, что Энн украла у меня идею. Это, конечно, полный абсурд, потому что Энн никогда об этой идее не слышала, к тому же она самый нравственный человек, каких мне доводилось встречать. Но люди постоянно делают такие вот злобные выводы. Люди убеждают себя, будто их ограбили, хотя на самом деле никто их не грабил. Такие рассуждения базируются на гнусной иллюзии дефицита – веры в то, что в мире вечная нехватка всего, и никогда не будет так, чтобы всем всего хватало. Девиз такого мировоззрения – «Кто-то хапнул мое». Придерживайся я такой позиции, точно потеряла бы новую любимую подругу. Меня сожрали бы обида и зависть.

Как вариант я могла обозлиться на саму себя. Начала бы твердить себе: *Видишь, вот идеальное доказательство того, что ты неудачница, Лиз, ведь ты ничего не можешь добиться! Этот роман хотел стать твоим, а ты его упустила, потому что ты отстойная, ленивая и тупая и всегда обращаешь внимание не на то. Поэтому тебе никогда не стать великой.*

Наконец, можно было бы возненавидеть судьбу. Я могла сказать: *Сие свидетельствует о том, что Бог больше любит Энн Пэтчетт, чем меня. Ибо Энн избрана в качестве романиста, а я, как и подозревала в особо мрачные моменты уныния, лишь самозванка. Надо мной судьба насмехается, ее же чаша преисполнена. Я судьбою одурочена, она же ею избалована, и таковы вечное несчастье и трагедия моего проклятого существования.*

Но я не стала заниматься подобной ерундой.

Вместо этого я предпочла считать это событие потрясающим маленьким чудом. Я позволила себе почувствовать благодарность и изумление по поводу того, что сыграла хоть какую-то роль в этом странном происшествии. В этот момент я ощущала себя ближе к волшебству, чем когда-либо, и не собиралась мелочиться и пускать насмарку этот уникальный опыт. Я восприняла этот случай как редкое и ярчайшее свидетельство правдивости моих чудных представлений о творческом начале: идеи *действительно* живые, идеи *действительно* ищут человека, наиболее подходящего для взаимодействия, у идей *есть* осознанная воля, идеи *действительно* перемещаются от одной души к другой, идеи всегда *будут* стремиться найти самого быстрого и эффективного «проводника» (так же, как это делают молнии).

Кроме того, теперь я склонна верить, что у идей есть чувство юмора, ведь то, что случилось между мной и Энн, было не только необычно и интересно, но и очень забавно.

Право собственности

Я полагаю, вдохновение сделает все возможное, чтобы работать с вами, но если вы не готовы или недоступны, оно может уйти от вас, чтобы найти партнера в лице кого-то другого.

На самом деле такое часто бывает.

Так случается, когда вы утром открываете газету и обнаруживаете, что кто-то другой написал вашу книгу, или поставил вашу пьесу, или выпустил ваш релиз, или снял ваш фильм, или начал ваш бизнес, или открыл ваш ресторан, или запатентовал ваше изобретение, или каким-то другим способом воплотил тот проблеск вдохновения, который был у вас много лет назад, но вы его так и не реализовали или просто не удосужились завершить работу. Это может вызвать у вас раздражение, но не должно бы, ведь это вы не справились! Это вы не были готовы в полной мере, оказались слишком неповоротливы или недостаточно открыты для того, чтобы приютить идею и воплотить ее. Поэтому идея отправилась на поиски нового партнера, и кто-то другой сделал то, что от него требовалось.

За годы, прошедшие с тех пор, как вышла книга «Есть, молиться, любить», не могу сказать (буквально – потому что я не в силах их сосчитать), сколько людей в гневе обвиняли меня в том, что я написала их книгу.

«Эта книга должна была быть моей, – рычали они, свирепо глядя на меня во время раздачи автографов на каком-нибудь книжном мероприятии в Хьюстоне, Торонто, Дублине или Мельбурне. – Я планировал когда-нибудь написать эту книгу. Вы описали мою жизнь!»

Но что я могу ответить? Откуда мне знать что-то о жизни этого незнакомца? На мой взгляд, я нашла лежащую поблизости бесхозную идею и подобрала ее. Это верно, мне очень повезло с «Есть, молиться, любить» (без сомнения, просто чрезвычайно повезло), но верно и то, что я работала над ней как одержимая. Я крутилась с этой затеей, как дервиш. Как только идея вошла в мое сознание, я ни на секунду не спускала с нее глаз, пока моя книга не была закончена.

Так что эту идею я удержала.

Но немало идей я и упустила за многие годы, а точнее, упущены были те идеи, которые я по ошибке приняла за предназначенные мне. Другие люди написали книги, которые я горячо желала написать. Другие люди работали над проектами, которые могли бы быть моими.

Вот, к примеру, в 2006 году я некоторое время играла с идеей написать масштабную документальную книгу о городе Ньюарке, штат Нью-Джерси, и назвать ее «Кирпичный город». Мой план состоял в том, чтобы повсюду ходить за новым харизматичным мэром Ньюарка, Кори Букером, и писать о его усилиях по преобразованию этого замечательного, но проблемного города. Классная идея, но я так и не приблизилась к ее реализации. (Если честно, она требовала много работы, а на тот момент у меня уже созрел другой замысел, так что я никогда так и не собралась с силами, чтобы за нее взяться.) И вот в 2009 году телевизионный канал Sundance снял и выпустил в эфир большую документальную программу о нелегкой истории Ньюарка, штат Нью-Джерси, и о стремлении Кори Букера изменить город к лучшему. Шоу называлось «Кирпичный город». Когда я это услышала, то почувствовала самое настоящее облегчение: «Ура! Мне не придется заниматься Ньюарком! Кто-то другой на это подписался!»

Вот еще одна история. В 1996 году я познакомилась с человеком, который, как оказалось, был близким другом Оззи Осборна. Он сказал, что семья Осборнов самая странная, забавная, дикая и необычная любящая семья из тех, какие ему приходилось видеть. Он сказал: «Ты должна о них написать! Тебе просто нужно провести с ними время и посмотреть, как они общаются. Не знаю точно, что тебе с этим сделать, но должен же *кто-нибудь* сделать какой-то проект про Осборнов, они такие фантастичные, поверить трудно».

Это меня заинтриговало. Но, опять же, я так и не взялась за дело; в итоге за Осборнов взялся кто-то другой, и это дало результат, заслуживающий внимания.

Было еще очень много идей, которые я так и не реализовала, и они стали чьими-то еще проектами. Другие люди рассказывали сюжеты, хорошо мне знакомые, истории, которые когда-то привлекли мое внимание, казались мне взятыми из моей собственной жизни или созданными моим воображением. Не всегда я так спокойно реагировала, если идеи переходили к другим авторам. Бывало, это воспринималось болезненно. Бывало, мне приходилось кусая губы, смотреть, как другим людям достаются успех и победы, которые я когда-то предназначала себе.

Но они, а не я, воспользовались выпавшим шансом.

А значит, им по праву достались и чудесные тайны.

Множественное открытие

В дальнейшем, размышляя об этом, я поняла, что происшедшее между мной и Энн Пэтчетт можно считать художественной версией множественного открытия – этот термин используется в научном сообществе, когда двое или больше ученых в разных частях мира приходят к одной и той же идее одновременно. (Исчисление, кислород, лента Мебиуса, существование стратосферы, теория эволюции – все это лишь отдельные примеры идей, у которых было несколько открывателей.)

Почему так происходит? Этому нет логического объяснения. Как могут два человека, которые никогда не слышали о научной работе друг друга, прийти к одним и тем же научным заключениям в один и тот же исторический момент? И тем не менее это случается чаще, чем вы можете себе представить. Когда венгерский математик XIX века Янош Бойяи пришел к открытию неевклидовой геометрии, отец торопил его с публикацией материалов, пока кто-нибудь еще не реализовал ту же идею. Он говорил: «Для идей, как и для растений, настает время, и тогда они созревают одновременно в разных местах, точно так же, как ранней весной на солнечных местах повсюду вылезают подснежники».

Множественные открытия происходят и вне научной сферы. В мире бизнеса, к примеру, существует представление о том, что новая великая идея может «витать где-то поблизости», носиться в воздухе, и первый человек или компания, которые ее уловят, получают преимущество первооткрывателя. Иногда все хватаются за идею одновременно, в безумной борьбе за первенство. (Пример: возникновение персональных компьютеров в 1990-е годы.)

Множественные открытия порой можно наблюдать даже в романтических отношениях. Никто годами не проявлял к вам интереса, и вдруг – неожиданность: два ухажера одновременно! Это конечно же тоже множественное открытие!

На мой взгляд, множественное открытие похоже на то, как будто вдохновение колеблется, не может выбрать – и в конце концов решает использовать два канала одновременно. По правде говоря, вдохновение может позволить себе поступить так, если захочет, оно совершенно не обязано оправдываться перед нами и объяснять свои мотивы. (Я считаю, нам и так уже посчастливилось, что оно со всеми нами общается, а просить его еще и объяснять свои действия было бы чересчур.)

В конце концов, это же просто подснежники, которые пытаются вылезти на свет.

И не надо заморачиваться из-за странности и непредсказуемости всех этих событий. Просто примите их как данность. Таковы уж странные, мистические условия творческого существования. Тут не может быть ни краж, ни прав собственности, ни трагедий, ни проблем. Там, откуда приходит вдохновение, нет ни времени, ни пространства. Там не место соревновательности, эгоизму или каким-либо ограничениям. Есть только сама по себе идея и та настойчивость, с которой она без устали ищет, пока не найдет такого же упорного компаньона. (Или нескольких компаньонов, так тоже случается.)

Соглашайтесь сотрудничать с этой настойчивостью.

Трудитесь с ней бок о бок, со всей доступной вам открытостью, доверием и усердием.

Работайте, вкладывая свое сердце, потому что – я обещаю – если вы будете работать каждый день, день за днем, то в одно прекрасное утро вам посчастливится прорваться – и расцвести.

Хвост тигра

Одно из лучших когда-либо слышанных мной описаний этого феномена – того, что идеи приходят и уходят по своей прихоти, – принадлежит американской поэтессе Рут Стоун.

Я познакомилась со Стоун, когда ей было почти девяносто, и она потчевала меня рассказами о своем поразительном творческом процессе. Она поведала, что в детстве, проведенном на ферме в Вирджинии, она, бывало, работала в поле и вдруг *слышала* приближение своих будущих стихов – она слышала, как стихи несутся к ней, будто конь на всем скаку. Когда это случалось, Рут уже знала, что делать дальше: она «как угорелая» неслась домой наперегонки со стихотворением, надеясь, что вовремя схватит листок с карандашом и успеет его записать. Таким образом, когда стихи настигали и входили в нее, она успевала их ухватить и зафиксировать, как диктовку, как можно быстрее перенося слова на бумагу. В такие моменты она физически ощущала, как стихи влетают в ее тело и выходят с противоположной стороны. Иногда они задерживались в ее голове на какой-то миг, ища отклика, но потом уносились, уходили раньше, чем она успевала их схватить, и неслись галопом дальше, по всему земному шару, как сказала Рут, «в поисках другого поэта».

Но бывали случаи (и это самая потрясающая часть рассказа), когда она, *чуть было не* упустив

стихотворение, все-таки в последний момент успевала ухватить его «за кончик хвоста». Это было все равно что поймать за хвост тигра. Потом она почти в буквальном смысле затаскивала стих обратно, тянула одной рукой, а другой записывала, как школьный диктант. В таких случаях стихи появлялись на бумаге от последнего до первого слова – в обратном порядке, но в остальном неповрежденные.

Так вот, друзья мои, это жутковатое, из прошлых времен шаманство, смахивающее на ритуалы вуду, тоже Большое волшебство.

И знаете, я ей поверила.

Тяжкий труд против волшебного порошка

Я верю ей, потому что не сомневаюсь: любой из нас может припомнить, как в его жизнь врывается чувство тайны и вдохновения. Конечно, не всем нам дано стать такими же безупречными божественными каналами, как Рут Стоун, почти ежедневно, без преград и сомнений, пропуская через себя подлинное творчество... но мы можем подойти к этому источнику ближе, чем думаем.

Скажу честно: большая часть моей литературной жизни не похожа на жуткую, из прошлых времен, смахивающую на шаманство вуду, Большое волшебство. В основном она состоит из малопривлекательного, дисциплинированного труда. Я сижу за письменным столом и пашу, как крестьянин, вот как это делается. Обычно волшебного порошка феи на меня не сыплют.

Но иногда... иногда волшебный порошок *появляется*. Иногда в разгар работы над книгой я вдруг чувствую, что как будто встала на движущуюся дорожку вроде тех, что есть в больших аэропортах. До моего терминала еще далеко, а чемодан оттягивает руки, но мне вдруг кажется, что некая внешняя сила мягко подхватывает и несет меня. Что-то несет меня вперед – какая-то мощная и щедрая сила, – и это явно не я.

Возможно, вам тоже знакомо это чувство. Чувство, которое испытываешь, когда что-то получилось очень удачно, а позже, когда смотришь на это свое произведение, можешь сказать только: «Сам не понимаю, откуда что взялось».

Вы не можете это повторить. Не можете объяснить. А ощущение такое, как будто вас кто-то вел.

Я испытываю это чувство только изредка, но это самое изумительное, самое грандиозное чувство, какое только можно себе представить. Не думаю, что в жизни есть более совершенное, более полное счастье, чем это, кроме, пожалуй, влюбленности. В Древней Греции такое состояние наивысшего блага называли словом *эвдемония*, что можно перевести, в том числе, и как «добрая энергия», и можно же допустить, что речь идет о некоем заботливом руководстве со стороны божественных созданий, духов. (Впрочем, современные специалисты, которым, видимо, неловко рассуждать о божественных тайнах, говорят иначе: «поймать волну» или «быть на кураже».)

Но и греки, и римляне верили в идею доброго духа творчества, существующего вне тела человека, что-то вроде домового, если хотите, который живет в стенах дома и иногда помогает вам в трудах. У римлян для такого трудолюбивого домового было особое название. Он назывался гений – это божество-хранитель, проводник вдохновения. Другими словами, римляне не считали, что исключительно одаренный человек *является* гением, они верили, что у исключительно одаренного человека *есть* гений.

Это тонкое, но значительное отличие (быть или иметь) и, как я полагаю, мудрая психологическая концепция. Концепция внешнего гения помогает художнику держать в узде свое эго, не нагружая его бременем полной ответственности – приятной или, в случае провала, тягостной – за результаты его работы. Словом, если работа вышла удачной, вам следует благодарить за помощь внешнего духа, гения, и это поможет вам не впасть в самолюбование. Если же вы потерпели неудачу, это не только ваша ошибка. Вы можете сказать: «Эй, не смотрите на меня так – просто мой гений сегодня не казал ко мне носа!»

В обоих случаях уязвимое человеческое эго защищено.

Защищено от разъедающих душу похвал.

Защищено от разъедающего душу стыда.

Придавленные валуном

Мне кажется, что общество оказало художникам медвежью услугу, начав провозглашать, что кто-то из них *является* гением, вместо того чтобы говорить, что у этих людей *есть* гений. Это началось примерно в эпоху Возрождения, сопровождавшуюся всплеском более материалистического и антропоцентрического взгляда на мир. Боги и мистерии потеряли значение, куда-то подевались, и всю честь и ответственность за творчество вдруг возложили на самих художников – только вдуматься: ответственность за капризы вдохновения взвалили на слабые и хрупкие человеческие плечи.

Мы походя обожествили искусство и художников, вознеся их на несуразно, неподобающе высокий уровень. Пиетет по отношению к людям, которые являются «гениями» (включая почести и положение, которые этому часто сопутствуют), вознес творцов на вершину, превратил в жрецов некоего культа, а то и в небожителей, почти богов. Как хотите, но это кажется мне перегибом и слишком тяжким бременем для простых смертных, какими бы талантливыми они ни были. Вот когда художники начинают сходить с ума, гнутья и ломаться под тяжестью своих необычных даров.

Когда художников обременяют титулом «гениев», они, по-моему, теряют способность относиться к себе легко, с иронией и свободно творить. Вот, к примеру, Харпер Ли, которая за долгие годы так ничего и не написала после феноменального успеха «Убить пересмешника». В 1962 году, когда Ли спросили, что она думает о перспективах написания какой-нибудь другой книги, она ответила: «Мне страшно». А еще она говаривала: «С каждой вершины есть только одна дорога».

Поскольку Ли никогда не высказывалась более определенно, можно только гадать, почему эта невероятно знаменитая писательница за свою долгую жизнь не подарила миру десятки прекрасных книг. Но я подозреваю, что ее мог придавить валун собственной популярности. Возможно, груз оказался слишком тяжелым, ответственность слишком пугающей, а ее художественное мастерство улетучилось, не выдержав страха – или, что даже хуже, – конкуренции с самой собой. (Если на то пошло, чего еще могла бояться Харпер Ли? Только одного: что она не сможет переплюнуть Харпер Ли.)

А насчет того, что с вершины, на которую взобрался, есть только один путь, Харпер Ли заметила очень верно, правда? То есть, если не можешь повторить собственное, сотворенное раз в жизни чудо, если не уверен, что сможешь еще раз забраться на вершину, к чему тогда вообще напрягаться и творить что-то? Я, вообще-то, имею право об этом говорить, потому что и сама вроде как побывала однажды «на вершине» – когда моя книга три года оставалась в

списке бестселлеров. Так вы не представляете, сколько народу тогда сочувственно интересовались: «И как же тебе теперь переплюнуть этот успех?» Эти люди говорили о моей великой удаче, о моем счастливом случае так, словно это было проклятие, а не милость богов. Они искренне сочувствовали мне, ведь, по их мнению, я должна была умирать со страху при мысли, что не в силах буду снова подняться на такую высоту.

Но помилуйте, такой подход подразумевает, что *есть* некая «вершина» и что единственное, ради чего люди занимаются творчеством, желание покорить эту вершину (и подольше на ней задержаться). Такой подход подразумевает, что к загадочному, полному тайн творческому началу можно подходить с теми же мерками, что и у нас – по человеческим меркам успеха и неудачи, победы и поражения, соперничества и состязаний, тиражей и объемов продаж. Такой подход подразумевает, что ты должен рваться к победе и постоянно побеждать, причем не только современников, но, увы, и ранние версии самого себя. Что опаснее всего, такой подход подразумевает, что если не рассчитываешь на победу, то нечего и продолжать игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)